
Круглый стол ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ

23 мая 2008 г. Конференц-зал гостиницы «Рэдиссон SAS»

Ведущие:

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, член-корреспондент РАО, доктор культурологических наук, профессор

А. В. ЯКОВЕНКО заместитель министра иностранных дел РФ, доктор юридических наук, профессор

Участники:

В. АЛЬТАФ профессор физики (Саудовская Аравия)

И. ВАЛЛЕРСТАЙН профессор социологии Йельского университета (США), доктор философии

Г. М. ДЕРЛУГЬЯН адъюнкт-профессор Северо-Западного университета США, доктор

П. ДУТКЕВИЧ директор Института европейских, российских и евразийских исследований при Карлтонском университете (Канада), профессор

Д. Ч. КАПУР президент фонда «Капур Сурия», сопредседатель Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций» (Индия), доктор философии, профессор

Р. В. МАРКАРЯН посол по особым поручениям Министерства иностранных дел РФ, кандидат исторических наук, генерал-майор

А. МУДЖАНИ полномочный представитель экс-президента Ирана

К. МУСАКОДЗИ директор Центра азиатско-тихоокеанского партнерства Университета экономики и права (Япония), вице-ректор Университета ООН по региональным и международным исследованиям, профессор

Ш. МУСТАФАЕВ директор Международного института Центральноазиатских исследований ЮНЕСКО (Узбекистан)

В. В. НАУМКИН руководитель Центра арабских исследований Института востоковедения РАН, заведующий кафедрой региональных проблем мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова, главный редактор журнала «Восток-ORIENTIS», доктор исторических наук, профессор

Ф. ПЕТИТО профессор международных отношений Университета Суссекса (Великобритания)

В. В. ПОПОВ посол по особым поручениям Министерства иностранных дел РФ, кандидат исторических наук

Г. РЯБЫХ священник, исполняющий обязанности секретаря по взаимоотношениям церкви и общества Отдела внешних связей Московского патриархата, кандидат политических наук

Ж. САМПАЙЮ Высокий представитель Генерального секретаря ООН по «Альянсу цивилизаций», Президент Португалии (1996–2006)

С. УАЙТ профессор политологии Университета Глазго (Великобритания), главный редактор научного журнала «Коммунизм и политика переходного периода»

Р. И. ХАИРОВ исполнительный директор Международного общественного фонда «За выживание и развитие человечества», кандидат философских наук

Д. ШАМСУТДИН Генеральный секретарь Совета улемов Индонезии, председатель индонезийской мусульманской организации «Мухаммадия»

В. ШВИММЕР член Национального собрания Австрии (парламента), председатель Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций», доктор права, Генеральный секретарь Совета Европы (1999–2004)

Э. ШНАЙДЕР профессор Германского института международной политики и безопасности, главный редактор еженедельного бюллетеня «Россия: актуальная внутренняя политика»

А. В. ЯКОВЕНКО: — Я рад приветствовать здесь всех присутствующих. Сопредседатель нашей секции — профессор Наумкин Виталий Вячеславович. Надеюсь, что мы проведем очень полезный неформальный диалог, который позволит нам не только обменяться мнениями, но и обогатиться за счет идей, которые, я думаю, будут высказаны в ходе нашего обсуждения на тему «Диалог культур и партнерство цивилизаций». Для меня, как для практика, очень важно понять, как следует двигаться в этом направлении, что должно входить в повестку дня будущих международных встреч, контактов, как вообще должна выстраиваться линия диалога культур и партнерства цивилизаций.

Эта тема обсуждается уже давно, в частности в рамках ООН выдвигалось несколько инициатив. Сначала они назывались «Диалог цивилизаций» (вспомним иранского президента Хатами). Через некоторое время Испания и Турция провозгласили новую инициативу — под названием «Альянс цивилизаций». Постепенно это движение стало оформляться в площадку для рассмотрения серьезных вопросов. Надеюсь, что сегодня мы обсудим и идею о Консультативном совете религий, которая была выдвинута Россией на прошлой сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

В общем, сегодня перед нами стоит очень интересная задача: попытаться сформировать системный взгляд на то, как мы должны продвигаться в решении этой очень сложной, масштабной проблемы. Теперь я предоставляю слово Александру Сергеевичу Запесоцкому.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Александр Владимирович. Здравствуйте, уважаемые коллеги. Я хочу еще раз поприветствовать вас от лица организаторов конференции, поблагодарить за то, что вы прибыли в Петербург для участия в нашей дискуссии. Переходя к теме встречи, я выскажу, безусловно, свое личное мнение. Но думаю, что оно во многом совпадает с мнением существенной части российского научного сообщества и взглядами широких слоев населения. По вопросу культурного диалога расхождений в позициях ученых и в общественном мнении России я не вижу. В России нет дискуссии: нужен диалог культур? каким он должен быть? Уважение к другим культурам, интерес к ним, желание обмениваться культурными ценностями для нас — нечто естественное, само собой разумеющееся.

Может быть, несколько неожиданным для нас был случившийся в середине 1990-х гг. переход к идее о главенстве культуры в жизни общества, в общественном развитии. Дело в том, что в СССР на протяжении 70 лет мы все были марксистами, причем совершенно искренними: мы были так образованы и воспитаны. А с точки зрения теории Маркса, как мы знаем, бытие определяет сознание, то есть экономические и материальные факторы определяют и оказывают решающее влияние на факторы духовные. Но уже примерно 15 лет назад мы начали понимать Маркса по-другому. Например, он говорил о том, что потребности производятся, так же как и продук-

ты, и, конечно, признавал, что культура, духовная жизнь оказывают огромное влияние на жизнь материальную.

С тех пор мы пошли намного дальше. И большая группа российских ученых полагает, что культура, а не экономика является стержнем развития, в том числе мирового. При коммунистическом строе наши обществоведы считали, что есть некий базис, *basement* — то, что лежит в основе. Это экономика. А есть надстройка; и культура — это как раз надстройка, которая покоится на основании экономики. Часть нашего правительства до сих пор придерживается этой точки зрения. И мы замечаем, что Министерство экономического развития России, Министерство финансов думают так же: что деньги определяют все. Но другие люди в России считают, что деньги не столь важны, важнее — мораль и культура.

И надо сказать, что если у существенной части российской элиты расходятся мнения с властью, то они расходятся как раз по этому поводу. Сейчас российская интеллектуальная элита пытается обратить внимание власти на то, что не деньги должны главенствовать в обществе. Вчера директор Эрмитажа господин Пиотровский уже затронул эту тему. Я также считаю, что сейчас это одна из болевых точек для нас.

Как бы то ни было, в советское время мы были уверены, что все культуры равны исконно — так же, как все люди от момента рождения обладают равными правами. Мы в России никогда не сможем понять тезис, что та страна, у которой более сильная экономика, или та, которая больше тратит на вооружение, имеет больше прав в культурном диалоге.

На протяжении всех лет советской власти у нас малым культурам уделялось намного больше внимания, чем общей культуре Советского Союза. Приведу пример, который для меня удивителен. Латвия, небольшая страна с небольшим населением и небольшой по объему оригинальных культурных символов собственной культурой, имела телевидение, где число работников составляло 1 человек на тысячу человек населения. Повторяю, Советский Союз уделял огромное внимание развитию небольших культур. Здесь можно много говорить о фестивалях, о поддержке национальных писателей, композиторов, театров и т. д. Для жителей Советского Союза мысль о необходимости поддержки культуры даже очень малых народов — часть нашего воспитания. Мы выросли на этом.

Человечество, придя к идее равенства людей, к идее прав человека (а это одно из важнейших достижений цивилизации, в первую очередь европейской), теперь должно прийти к мысли о равенстве культур и равном праве разных культур на диалог. Если мы положим в основу культурного диалога какие-то иные принципы, то рискуем быть вовлеченными в череду непрерывных конфликтов. Утверждение о том, что в культуре большое должно быть главнее, чем маленькое, — это та же идея, которая лежит в основе дикости, когда прав тот, кто сильнее. Но мировая цивилизация ушла от этого тезиса.

Мне показалось симптоматичным, что академик Гусейнов, участник нашей дискуссии, вчера обосновывал мысль о применении к диалогу культур тех правил, которые выработало цивилизованное человечество применительно к правам личности.

Неважно, богат человек или нет, имеет ли он власть, силу, оружие, — все люди должны быть равны в правах. Мне думается, что эти же принципы необходимо утверждать и в диалоге культур. Не должно быть государства, претендующего на монополию в области истины и считающего свои взгляды на культурные ценности единственно верными, а взгляды других стран — не заслуживающими внимания. Там, где какая-то страна или культура присваивает себе право быть лучшей, начинаются конфликты, которые оказываются губительными для человечества. Это мое убеждение и убеждение многих моих коллег из научного сообщества России.

Многие из вас специально изучают Россию, но не все видят ее изнутри. Я думаю, сейчас в России мы переживаем вторую трагедию за последние двадцать лет — в области идеологии, сознания. Первая трагедия произошла в момент, предшествовавший крушению Советского Союза, и способствовала его распаду. Тогда наше общество отказалось от коммунистических ценностей, решив, что Советский Союз шел по неправильному пути. Огромное значение в том, что произошло, имели идеи свободы, демократии, прав человека. Советский Союз распался, и его народ понес огромные издержки. Россия дорого заплатила за изменение своих взглядов, за то, что проявила открытость Западу, его влиянию.

Теперь мы спрашиваем себя: за что Россия заплатила эту высокую цену? И испытываем чувство огромного разочарования, потому что сейчас у многих общественных деятелей в нашей стране сложилось впечатление, что Запад Россию обманул. Мы видим, что Запад не являлся искренним приверженцем тех идей, которые декларировал: идеи прав человека, свободы, демократии и т. д. Это была всего лишь игра, направленная против Советского Союза. И это порождает у нас в стране новый идеологический кризис.

Еще раз скажу: нам очень трудно согласиться с мыслью, что деньги решают все. Если бы мы могли оправдать случившееся с Советским Союзом тем, что мы стали богаче, наверное, многие бы успокоились. Экономически многие ведь выиграли от тех перемен, которые здесь произошли. Российская элита выиграла, безусловно. Другой вопрос — выиграли рядовые граждане или нет? Граждане, на мой взгляд, очень много потеряли.

И сейчас Россия стоит перед проблемой повторной переоценки приоритетов тех идей, которые должны являться главными. Не думаю, что наша страна, наше общество откажутся от идей свободы, демократии, прав человека. Но полагаю, что для нас рядом с этими ценностями будет стоять идея культуры. Группа ученых нашего Университета во главе с академиком Лихачевым в середине 1990-х гг. не случайно поставила во

прос именно о правах культуры. Мы понимаем, что с юридической точки зрения этот вопрос не вполне корректен, потому что культура не является субъектом права. Такая же ситуация складывается, например, в экологии. Мы говорим о праве человека на здоровую окружающую среду, на необходимость защиты природы как величайшего блага для человека. Но мы полагаем, что идея защиты культуры как величайшего блага для человека не менее важна, чем идея защиты природы.

Культуре, на наш взгляд, суждено играть решающую роль в дальнейшем развитии человечества. В научном плане центральным для нас будет вопрос о механизмах диалога культур. И мы пытаемся сейчас в Университете выработать представление о том, как конкретно должны вести диалог разные культуры. В военной сфере, например, государства выработали правила диалога, существует серьезно развитая система отношений и правил поведения. Хотя теперь мы видим, что после крушения Советского Союза мир откатился назад и эта система не всегда используется. В международных отношениях снова начинает превалировать сила. Однако думается, что в ближайшие 15–20 лет технологии диалога культур будут разработаны не хуже, чем технологии регулирования военных конфликтов или какие-то иные технологии международных отношений.

Я убежден, что первая четверть XXI в. — это то время, когда огромное внимание международной общественности, мировой общественности будет приковано к проблемам культуры и взаимного существования различных культур. Не сомневаюсь, что вместе мы можем что-то сделать и далеко продвинемся по этому пути.

А. В. ЯКОВЕНКО: — Спасибо большое, Александр Сергеевич, за очень интересное установочное выступление, которое вытекает из той дискуссии, что прошла вчера. Я безоговорочно поддерживаю ваш основной тезис: диалог можно вести только на равных. Кстати, именно на этой основе, как представляется России, должны базироваться современные международные отношения. Именно такой подход лежит в основе Устава ООН. «Альянс цивилизаций», о котором вчера говорил господин Сампайю и все мы, также строится на этих принципах.

Это очень важный момент, потому что на сегодняшний день есть две школы мысли. Одна школа — это то, о чем говорил Александр Сергеевич: равный диалог, право всех быть равными и, соответственно, взаимное обогащение. И вторая школа мысли — это когда сильные государства начинают продвигать свои представления о мировом порядке и тем самым создают ситуацию неравенства: не учитываются позиции более слабых государств и, соответственно, интересы их культур.

Я полностью согласен с Александром Сергеевичем в том, что XXI век — это век, когда нам надо искать технологии диалога культур. Мы с этим сталкиваемся всюду: и в России, и в европейских странах, и во всех других. В условиях

глобализации происходят перемещения огромных масс людей. Во многие страны, регионы приезжают носители иной культуры, которые никогда там не жили. Это создает совершенно новую ситуацию.

В России в этот процесс вовлечен целый ряд регионов. Скажем, в Центральном регионе, где, например, представители центральноазиатских республик ранее никогда не проживали, создается новая ситуация, о которой мы вчера говорили. В Европе это резкий рост мусульманского населения, которое тоже приносит свои традиции.

Для обеспечения мирного сосуществования культур необходим диалог. Требуется создание условий для того, чтобы они могли, во-первых, быть услышанными и, во-вторых, адаптироваться к условиям, которые существуют в том или ином регионе. Поэтому разработка механизмов диалога культур действительно выдвигается на первый план как на уровне отдельных государств, так и на уровне международных отношений. Это новый элемент в повестке дня международных отношений, который постепенно начинают осознавать государства — члены ООН. В прошлом году впервые состоялась общая дискуссия на тему диалога культур, где могли выступить и государства — члены ООН, и представители религиозного сообщества. Раньше такого рода дискуссий — в рамках Организации Объединенных Наций, на высоком уровне — не проводилось. Подобные события сейчас являются индикатором того, куда движется современная международная мысль по созданию или, по крайней мере, по осознанию необходимости создания тех или иных механизмов диалога культур.

Хочу предложить коллегам в числе идей, которые они хотят высказать, затронуть и такую: какие механизмы диалога культур должны быть созданы в XXI в., чтобы обеспечить дополнительную стабильность и на уровне международных отношений, и на национальном уровне, в различных государствах. Тем более что мы в последнее время являемся свидетелями развития весьма негативных тенденций вследствие отсутствия подобных механизмов, которые позволяли бы налаживать диалог.

Слово имеет профессор Эберхард Шнайдер.

Э. ШНАЙДЕР: — Для меня было очень интересно то, что сказал господин Запесоцкий, и я сделал некоторые заметки.

Во-первых, культурный диалог цивилизаций — очень сложная вещь. Потому что идентичность народа — это и есть культура. Идентичность не определяется экономикой и политикой; культура — вот душа народа. Во-вторых, диалог культур, диалог цивилизаций — это всего лишь диалог, он не решает политических проблем, а может только помогать, создавать условия для лучшего их решения. Но там, где существуют крупные политические конфликты, по-моему, диалог культур невозможен. Нужна более или менее нормальная политическая ситуация — тогда мы можем вести диалог цивилизаций.

Большую роль, как мы уже вчера говорили, в диалоге культур играет религия. Представители каждой религии думают: «Моя религия самая правильная, самая лучшая. Я хочу всех облагодетельствовать, чтобы другие люди тоже имели это счастье. Я хочу, чтобы они тоже верили в то, что я говорю». Это проблема релятивизации религии. Все ценности мы до сих пор всегда получали из религий. Здесь тоже налицо проблема.

Теперь о России. Я хорошо понимаю ситуацию здесь, потому что сорок лет изучал русскую внутреннюю политику. Дорога коммунизма закончилась, люди ищут новую ориентацию. Демократия — это только механизм. Свобода, возможно, — это только условия жизни. Я понимаю — россияне ищут новую идею, новую цель: «куда мы идем, что надо делать?» Они не знают целей, вспоминают еще те обещания, которые президент Ельцин давал как призы для новой русской идеи. И теперь это сложно — Россия ищет новую национальную идею. Если вы будете ориентироваться на православную церковь (а православная церковь заинтересована в этом), то столкнетесь с трудностями, потому что в стране проживает много мусульман.

И в Европе есть острые проблемы. Перед нами тоже стоит вопрос: «для чего мы живем?» Об этом спрашивает молодежь, подобные же вопросы рассматривают религии. Что касается политики, то у нас есть идея, долгосрочная цель — создать единую Европу, Европейский Союз. Эта цель помогает найти смысл, поэтому часть людей придерживается этой ориентации.

А. В. ЯКОВЕНКО: — Благодарю вас. Я с вами согласен в том, что идентичность народа основана прежде всего на культуре. Думаю, что в каждом государстве на любом континенте все-таки есть некие системообразующие центры, в том числе и в области религии. Например, в Западной Европе это католицизм. В России, несмотря на то что у нас 20 млн человек мусульманского населения, преобладающей религией является православие; это системообразующая религия в нашей стране. Для нас главная задача состоит в том, чтобы обеспечить равные условия для всех вероисповеданий (в том числе и право выбора религий), чтобы люди были совершенно свободны в своем выборе.

Вместе с тем, с нашей точки зрения, очень важно то, о чем говорил Александр Сергеевич Запесоцкий: после распада Советского Союза во многом были утеряны идеи и ценности — то, на чем должна вообще строиться жизнь. В связи с этим происходит, конечно, и некоторое восстановление роли религии. В нашей стране религия отделена от государства, но при этом она играет важную роль в стабилизации общества, а главное — в формировании системы ценностей у людей. Нельзя отрицать, что религии имеют в своих основах очень мощные культурно-исторические компоненты, что является сердцевинной развития любой цивилизации. Я с вами полностью согласен, что диалог культур возможен

только в определенных условиях, каковыми на сегодняшний день, собственно, и являются свобода и демократия. Приглашаю выступить нашего гостя, профессора из Японии господина Кинхиде Мусакодзи. Прошу Вас.

К. МУСАКОДЗИ: — Спасибо, господин председатель. Мне хотелось бы оттолкнуться от того, о чем здесь уже шла речь сегодня, а также от того, о чем говорилось вчера.

Но позвольте прежде упомянуть тот факт, что я был здесь, в Ленинграде, в 1984–1985 гг. В ООН мы организовали сравнительное исследование трех стран — Советского Союза, Мексики и Японии — с точки зрения социальных преобразований в ответ на влияние Запада. Предметом нашего внимания были российская революция, мексиканская революция и японское восстановление династии Мэйдзи. Тогда нас интересовало даже не то, кто победил в этих революциях, а интеллектуальный созидательный потенциал, который был мобилизован в тот момент.

У вас ведь были не только политические потрясения, но был также, в позитивном смысле, «взрыв» различных форм искусства — ваш, можно сказать, новый Ренессанс. Все это основывалось на экспрессии. Новый языковой и культурный вокабуляр возник вместе с революцией, как и вокабуляр искусства, который впоследствии был забыт. Сегодня мы вновь рассматриваем культурную созидательность и ищем способы, как ее мобилизовать.

Здесь мне хотелось бы упомянуть три важных момента. Прежде всего это касается нынешнего кризиса цивилизации и, в частности, исторической ситуации в настоящее время. Мы, японцы, вообще очень дотошны. Еще мы стараемся многое перенять у других. Я, например, много почерпнул из работ израильского социолога Айзенштадта — специалиста по цивилизациям, который высказал мысли об осевых религиях и модернизации, пришедшей с Запада. Он утверждает, что основные черты современной цивилизации базируются на том, что монотеистические традиции обращали гетеродоксию в ортодоксию. Евреи стали христианами. Также римское инакомыслие обратилось в христианство; гетеродоксия русской религии, которую можно считать почти атеизмом, превратилась в главный двигатель революции октября 1917 г.

Для японских ученых все это очень интересно. Потому что у нас не было подобного опыта, когда «инакомыслящие» религии превращались в одну — ортодоксальную религию. Стали возникать новые течения — феминистические и пр. То есть гетеродоксия начала превращаться в новую ортодоксию.

К концу 1970-х гг. проявилась тенденция к деколонизации; возник также неолиберализм. Сейчас мы живем в эру повторной колонизации. «Горизонтальные идеи» были генерированы еще в 1960–1970-х гг., но сейчас они отвергаются как нечто такое, что противоречит развитию цивилизации. Однако мы должны, отталкиваясь от них, возвращаться к важным моментам, упомя-

нутым профессором Валлерстайном, касающимся равенства в диалоге. Нельзя допустить, чтобы это был диктат «сверху вниз». Это должно быть не навязывание, а действительно горизонтальный диалог, на равных.

В настоящий момент мы столкнулись с кризисом западной цивилизации, который имеет и позитивные моменты. Их надо сохранить, чтобы и дальше защищать права человека и другие универсальные идеи.

Посыл западного мира, как упоминалось вчера, основывается на трех типах ценностей, трех основных ипостасях человека: homo economicus — думающий о богатстве, homo politicus — жаждущий власти и homo ludens — тот, кто исповедует эпикурейскую философию, хочет наслаждаться жизнью. В наслаждении жизнью ничего плохого нет, но в настоящий момент homo ludens настолько коммерциализованы, что секс, насилие, разного рода спекуляции составляют суть нынешней западной цивилизации. Капитализм, однако, был прекрасной, революционной экономической системой, но он превратился уже не столько в систему производства, сколько в систему разного рода финансовых спекуляций.

Сейчас мы должны снова обратить внимание на то, что еще недавно рассматривалось как устаревшие идеи. Западная цивилизация была очень успешной, но теперь она вошла в новую стадию. Мы должны вернуться к опыту и идеям других цивилизаций, незаслуженно забытым. И положить на один и тот же стол достижения и проекты различных цивилизаций. Они были забыты, потому что их не воспринимали как ценные, но это именно то, что надо, чтобы демократизировать и модернизировать весь мир и продолжать развивать экономику.

Когда мы сталкиваемся с этими проблемами, нам следует не просто вернуться к духовности, а сделать это по-новому. Как упоминал Анри Бергсон, имеется два источника этики: религия и секуляризм, который появился в результате революции на Западе. Он институционализировался, и теперь мы должны вернуться к истории и посмотреть на различные виды и формы духовности. Здесь необходимо развивать новый исторический подход. Как говорил Антонио Грамши, нам надо опираться на историю. Исторический блок, начавшийся Ренессансом, привел к просвещению, к гуманизму. Это все восходит к Греции, к универсальным идеям. Но были национальные буржуа, которые настаивали на использовании только национального языка.

Теперь, по моему мнению, человечеству необходимо новое сотрудничество, новый пласт истории. И здесь мы должны опираться на тех людей в Европе, которые верят во всеобщность, универсальность прав человека. Я тоже в это верю. Вслед за тем, как говорил Иоганн Готтлиб Фихте, мы должны развивать нашу собственную культуру и национальную идентичность. Это именно та область, в которой мы уже начали работать в Бандунге и которая не относится к западному типу мышления. Мы развиваем горизонтальный

диалог культур, а в диалоге всегда участвуют как минимум две стороны. И они достаточно эгоцентричны. Индийский вариант мирового порядка — Мандала, где одно государство находилось «в центре мира», поэтому здесь присутствовал эгоцентризм. Но появился Джавахарлал Неру, потом Чжоу Эньлай. Они согласились установить равные отношения, чтобы достичь мира и обоюдной выгоды. Эти принципы выходят за пределы конкретных культур, и именно они, я надеюсь, помогут нам.

И еще скажу, что нам следует вернуться к традиционной эпистемологии, к традиционным этническим системам. Интересно, что во Франции я нашел молодых исследователей, которые обратились к Нагарджуне и постарались совместить свои идеи с индийскими, буддистскими теологическими и философскими системами. Для них была ясна необходимость выхода за рамки своего индивидуалистического подхода к жизни, к экологии, к правам человека.

Мы должны посмотреть на вещи в системах взглядов различных религий, обратить внимание также на природу человеческих существ. Не только аристотелевская логика здесь оказывается полезной. Вот китайская эпистемология — «Книга перемен»; она тоже очень важна. В ней нет противоречия между идеалом и реальностью, как это было в греческой традиции. Там просто порядок сменяется беспорядком, затем снова воцаряется порядок. Существует и экзистенциальный подход. Сейчас у некоторых политиков имеет место гигантомания в отношении собственных взглядов: они пытаются навязать другим права человека и демократию в тех формах, которые существуют на Западе. Но это — узкий взгляд, который мы должны преодолеть. Конечно, мы стоим за демократию, права и свободы человека, но я против того, чтобы насильно навязывать это другим странам. Мы должны смотреть глубже в суть, в культурные «колодцы» разных стран.

Диалог цивилизаций не должен быть мелким. Необходимо копать глубоко, исследовать глубины «колодцев» всех цивилизаций. И находить и другие варианты порядка, выявлять связи, которые соединяют различные скважины, или «колодцы» различных цивилизаций. И тогда мы выходим, например, на понятие «неприменения силы». Сейчас мы видим, что сила применяется и насилие торжествует, но в мировой культуре имеются традиции, которые отрицают насилие. В мире есть и приверженцы ненасилия. Это надо использовать, чтобы помочь развитию Европы.

А. В. ЯКОВЕНКО: — Я благодарю профессора Мусакоджи за интересное выступление. Один из тезисов господина Мусакоджи, касающийся так называемого «горизонтального диалога», подтверждает необходимость равенства при ведении такого диалога. Нельзя не согласиться и с тем, что современные модели экономического развития в мире различаются. Даже в Европе, например, есть большие различия между северными и

южными странами. Еще более существенно отличаются азиатские государства от того, что мы видим в Европе и даже в России. Идея многополярного мира, разных экономических систем, в основе которых лежат капиталистические отношения, учитывает ту широкую палитру, которая существует в мире.

Я полностью согласен с тем, что права человека — это сложная субстанция, которая зависит от условий конкретного региона и обычаев, принятых в странах. Не случайно только в Европе достигнута столь высокая стадия организации судебных решений в области прав человека, как Европейский суд по правам человека. Но, скажем, условия работы Совета ООН по правам человека значительно более либеральны. Уже в этой ситуации проявляется учет данной специфики. Навязывание со стороны отдельных государств своих стандартов в области прав человека тем обществам и культурам, которые имеют иные традиции, является контрпродуктивным.

Р. В. МАРКАРЯН¹: — Несколько коротких комментариев. И вчера, и сегодня мы говорили о необходимости диалога культур. Очень ярко сегодня выступил на эту тему Александр Сергеевич Запесоцкий. Но я в данном случае выступаю в роли пессимиста и разделяю точку зрения господина Шнайдера. Культура сама по себе не может конкурировать с политикой, в рамках которой производятся действия, имеющие осязаемые, материальные последствия, гораздо более значимые, чем результаты культурного взаимодействия. К сожалению, часто бывает так, что культура обслуживает политику, а также фобии, которые сеют рознь и подозрения. Тут и «карикатурный скандал», и видеофильм известного европейского парламентария. В этом — сложность ситуации, которую мы должны внимательно рассмотреть.

Теперь что касается второй части лозунга «Диалог культур и партнерство цивилизаций». Я думаю, мы далеко не дошли до той стадии, когда можем говорить о партнерстве цивилизаций. У нас, в общем-то, и реального диалога пока не получается.

Контракт цивилизаций предполагает, что обе стороны равны или опять же речь идет о том, что тот, кто сильнее, навязывает условия более слабому? Тогда это не диалог, не партнерство и не контракт.

Профессор Валлерстайн вчера говорил (и я с ним полностью согласен): чтобы был равноправный диалог цивилизаций, надо считать партнера по этому диалогу равным себе. И очень хорошо сказал господин Швиммер, что мы имеем не диалог цивилизаций, а диалог невежества между двумя сторонами.

Я давно занимаюсь ближневосточным конфликтом и начинаю сейчас глубоко вникать в тему межцивилизационного диалога. У меня такое

¹ Посол по особым поручениям МИД РФ, кандидат исторических наук, генерал-майор. Автор книги «Зона персидского залива: проблемы, перспективы» (1986).

впечатление, что и ситуация ближневосточного урегулирования, и ситуация межцивилизационного партнерства в целом одна и та же: все хотят этого добиться, но никто не знает как. Рецептов много. Каждый считает, что он предлагает самое хорошее решение. А ситуация на самом деле остается той, какая есть. Эти вопросы волнуют все человечество. Спасибо.

А. В. ЯКОВЕНКО: — Благодарю Вас. Здесь мы опять выходим на тему механизмов. Может быть, у нас появятся какие-то интересные идеи. Прошу Вас, господин Дуткевич.

П. ДУТКЕВИЧ: — Дамы и господа, мне хотелось бы начать с того, что я поддерживаю тезис Иммануила Валлерстайна, который вчера предположил, что диалог возможен только между равными сторонами. Моя позиция базируется на данных, которые представляет Владимир Попов — мой любимый экономист. Он демонстрирует, что равенство между цивилизациями и между экономиками уже становится фактом. Этот сдвиг экономического цунами произошел в последние 20 лет в результате глобализации. Мы сейчас понимаем, что различные цивилизации в экономическом плане становятся более схожими, чем были, например, 10 лет назад. Многие государства Азии являются хорошим тому примером. Есть убедительные доказательства этого выравнивания. Имеют место одновременно два процесса: идет эквализация, то есть экономическое выравнивание между цивилизациями, но она приводит к тому, что внутри цивилизаций увеличиваются экономические различия. Это имеет прямое отношение к вопросам диалога. Благосостояние Запада все больше зависит от тех товаров, которые поступают из других стран. То есть диалог идет не через культуру, а через экономические интересы.

Сегодня Запад рассматривает четыре типа различных сценариев развития этих процессов. Во-первых, это ограниченный тип существующего сегодня доминирования. Во-вторых, селективная кооперация различных наций и цивилизаций, сепаратное объединение. Я имею в виду, например, вариант Юго-Восточной Азии. В-третьих, опять же селективное, избирательное партнерство: мы рассмотрим наши ограниченные ресурсы и построим весьма избирательный диалог, для того чтобы достичь стабильности. И в-четвертых, просто разделение труда. Недавно Джованни Риччи предложил это в своей книге. В рамках разделения труда возможны рыночные подходы: экономическое разделение труда между державами, разделение между военными силами — и это тоже будет влиять на будущий диалог цивилизаций. Вероятно, можно обойтись без диалога и партнерства цивилизаций, потому что диалог становится все более и более вербальным. Может быть контакт цивилизаций, который базируется на национальных интересах. Это то, о чем сегодня упоминал господин Шнайдер. Тогда мы будем исходить из нашей национальной идентичности, националь-

ных интересов. И мы можем просто заниматься определенными видами бизнеса. Можно, конечно, обсуждать, на каких условиях будет налаживаться сосуществование и сотрудничество в области экономики и образования. Здесь мы придем к контакту цивилизаций в плане партнерства и институционально договоримся в отношении тех механизмов, которые продвинул этот диалог цивилизаций.

А. В. ЯКОВЕНКО: — Спасибо большое. Я просил бы продолжить нашу дискуссию Виталия Вячеславовича Наумкина на правах сопредседателя.

В. В. НАУМКИН: — Позвольте напомнить тезисы нашего японского гостя насчет роли религии и проблемы насилия в диалоге. Есть очень благожелательные и совершенно утопические, на мой взгляд, рассуждения по поводу ненасилия в межгосударственных, общественных, межличностных отношениях. На самом деле никто не призывает к полному отказу от насилия. Будем реалистами: ни в одной религии такого положения нет; есть даже авторитетные лингвисты, которые утверждают, что и христианская заповедь «Не убий» — результат неверного перевода. Верный перевод: «Не убий несправедливо». В любой религии есть те основания, которые разрешают убивать. К сожалению, масштабы насилия в современной жизни не уменьшились, хотя его пытаются вводить в рамки. Может быть, скорее надо говорить о табу, которые современные цивилизации в диалоге должны наложить на насилие, — думаю, это очень актуально. Было бы интересно в процессе нашего диалога получить предложения подобного рода, поскольку то, что мы сегодня видим в мире, — это, на мой взгляд, апофеоз совершенно несправедливых форм применения насилия, не соответствующих необходимому порядку. Другая сторона этого вопроса — в какой мере насилие может быть использовано для навязывания определенных ценностей, в том числе, как ни парадоксально, ценности ненасилия. Это связано и с насильственными формами распространения демократии.

Сегодня эксперты уже говорят о внедрении нового энергетического порядка в мире. То, что сегодня происходит с ценами, чудовищно. Но кто будет этот порядок предлагать, навязывать?

Утопично говорить также о том, что диалог может и должен быть только между равными. Но между субъектами тех порядков, которые существуют в мире, нет равенства! Всегда есть слабые и сильные. Значит, диалог невозможен — так считает профессор Валлерстайн. Или мы сначала в качестве *precondition*¹ создадим некое иллюзорное равенство между партнерами, а потом уже начнем диалог? Я считаю, что это тупикивая, совершенно непродуктивная постановка вопроса. Повторяю, есть сильные и слабые, и сильные всегда будут считать, что имеют большие права, чем слабые. Есть зоны влияния, глобальные

¹ Предварительное условие (англ.).

и региональные интересы, есть глобальные и региональные державы, существуют концепции вроде концерта наций. Есть ООН, которая тоже основана на градации держав. Зачем же мы будем обманывать самих себя, говорить о каком-то равенстве? Его нет.

Тогда что — контракт, как говорит мой друг Петр Дуткевич? Я думаю, что это разумное решение. Было бы интересно выявить мнение участников сегодняшней дискуссии по этому вопросу.

А. В. ЯКОВЕНКО: — Профессор Наумкин поставил вопрос жестко: существует ли равенство, возможно ли оно и будет ли всегда в диалоге сильная и слабая сторона? Конечно, будет. Вопрос только в том, разумно ли ведет себя сильный. Современная мировая цивилизация исключает многие вещи, которые были привычны для XIX–XX вв. Но возможности сильного не безграничны. Более того, с появлением средств массового уничтожения возможности сильного значительно уменьшились. Наличие одной ядерной бомбы у Северной Кореи лишает мощнейшую мировую державу возможности реализовать свои цели и намерения. Оказывается, и у силы есть некие ограничители. Когда мы говорим о диалоге цивилизаций, очень важно понять, в каких условиях сейчас происходит этот диалог и что собой представляют эти цивилизации. Мне кажется, здесь никто не попытался определить, что же такое цивилизация? Является ли цивилизацией сама по себе Россия, или Восточная Европа, или Европа в целом? Либо на самом деле существуют некие политические реальности, либо есть мнимые реальности, о которых все только говорят.

Когда разговор идет о диалоге цивилизаций, я вижу преобладание некоего нормативного подхода. Хорошо быть богатым и здоровым, хорошо бы разговаривать на равных. Реалии несколько сложнее. Разговор о диалоге и о ненасилии, как ни странно, — тактика слабых. Ненасилие, которое мы наблюдали в истории Индии, — мощное оружие в решении политической проблемы. Это было самой настоящей формой морального и иного насилия, которое в других формах при данном соотношении сил реализоваться не могло.

Что мы видим сегодня? Разделение мира на две системы сменилось ситуацией, когда две бывшие сверхдержавы переживают приблизительно одинаковые процессы. Им надо мягко отказываться от гегемонии. Проблемы сходные: Россия раньше потеряла доминирующее положение, раньше почувствовала это, но не всегда делала правильные выводы. Америка сейчас столкнулась с этой проблемой, и ей все равно придется мягко прощаться со своей гегемонией.

Несколько слов по поводу Восточной Европы и России. Пролонгирование имперской политики, которую мы наблюдали в течение 90 лет и, к сожалению, наблюдаем сегодня, приводит к тому, что все нации, которые ранее входили в СССР, отвергают диктат со стороны России. Это объективный и неизбежный результат формирования национальных государств, новых наций. Мы

практически испортили отношения по всему периметру постсоветской границы. Нельзя даже сказать, что с братской Белоруссией у нас безоблачные отношения. Почему Польша выигрывает у нас на постсоветском пространстве, в первую очередь на Украине? Потому что она относилась к Украине как к новой нации, новому государству. Мы получили сложности, которые имеют долгосрочные последствия. Самоидентификация наций на территории бывшего Союза идет по странной схеме: мы — не Россия! Концентрированное выражение этого — книга Кучмы «Украина — не Россия». Им важно как-то себя выделить из бывшего СССР и создать собственное лицо.

Россия не добьется успеха на постсоветском пространстве и вообще в формировании восточноевропейской цивилизации до тех пор, пока не откажется от наследия бывшего СССР. Лозунг «Мы — не СССР» должен стать, возможно, на какой-то период, лозунгом самоидентификации России. Мы большое, мощное европейское государство со своей историей, культурой, традициями. Мы никому не навязываем свою волю. Мы считаем, что единственный способ установить здесь порядок — это равноправный, нормальный диалог с бывшими республиками СССР.

Что касается Восточной Европы, то, как мне кажется, нам очень важно учитывать работы русского по происхождению философа гегельяно-марксистского направления — Александра Кожева. В свое время он был советником президента Франции Шарля де Голля, чьи идеи легли в основу формирования Европейского Союза. В своей записке 1945 г. об основах французской политики, адресованной де Голлю, он выражает важные фундаментальные взгляды. Он пишет, что эпоха национальных государств закончена. Национальное государство перестает существовать как политическая реальность. Последним национальным проектом был Третий рейх, и он бесславно провалился. Для того чтобы вести современную войну, Германии пришлось везти на свою территорию 10 млн человек из других стран и поставить себе на службу промышленность почти всей Европы. До формирования государств армию могла создать вотчина или город, затем наступила эпоха национальных государств. С появлением современных средств ведения войны началась эпоха империй.

В чем, по его мнению, гениальность Черчилля? Тот понял, что эпоха национальных государств окончена, и, имея огромный потенциал Британского Содружества Наций, на добровольных основах присоединился к новой Англо-Саксонской империи. В чем гениальность Сталина? Он осознал, что невозможно перескочить через эпоху империй, сразу объединить все человечество, реализовать идею мировой революции. И создал мощнейшую Славяно-Советскую империю. Далее следовал важный тезис: какова судьба Франции, находящейся между этими двумя империями? Она ничтожна. Франция не имеет исторического шанса, ее судьба — превратиться в историческую пыль. В чем же выход? В формировании,

как он называл это, Латинской империи. Идея Евросоюза вначале выглядела именно так. Цивилизация — это союз родственных наций. Очень важно, чтобы внутри такого союза не было насильственных перемен, в том числе и насилия над культурой, менталитетом народа. Собственно говоря, когда создавалась Российская империя, переход в Среднюю Азию уже создал огромное напряжение, нагрузку на центральные районы. Среднюю Азию мы вряд ли могли интегрировать. Скорее всего, начался бы обратный процесс. То же самое мы наблюдаем в Европе. Пока Европа была маленькая, объединяла близкие по уровню жизни, по истории, по культуре нации, Европейский Союз развивался по определенному графику как по часам. Как только они попытались присоединить страны Центральной Европы, возникли проблемы, и эти проблемы будут нарастать.

Заметьте, что Германия все еще не оправилась от своего воссоединения. Экономически, ментально интегрировать даже Восточную Германию представляется довольно сложной задачей, которая до сих пор не решена. Создание добровольного союза наций в рамках одной цивилизации — это проблема поиска наиболее рациональных конфигураций, конструирования этой цивилизации.

Идея создания равного, добровольного объединения наций (в противовес имперской схеме) на постсоветском пространстве — единственный способ консолидировать это пространство. И я уверен, что, если бы Россия смогла отступить от попыток диктатуры, она достигла бы гораздо большего, чем «лобовым» методом, пытаясь всех подстроить под свой диктат. Очень важно, как сильный разговаривает со слабым.

В. В. НАУМКИН: — Спасибо. Слово профессору Стивену Уайту.

С. УАЙТ: — Я представляю Университет Глазго, куда в 1960-е гг. приезжал Дмитрий Сергеевич Лихачев. Правовые рамки, определенные в международном законе, недостаточны для того, чтобы применять их в сфере цивилизаций и культур. Я не стремлюсь выступать «за» или «против» того или иного политического выбора, который может сделать для себя страна. Однако международное законодательство совершенно бессильно, если оно не смогло, например, предотвратить войну в Ираке. Конечно же, мы в Великобритании (и я тоже) считаем, что эта война незаконна.

Британское правительство консультировалось с международными юристами. В любом случае, когда война ведется на основании международного права, юрисконсульт Министерства иностранных дел, конечно, скажет, что это законно. Но если юрист говорит, что война противозаконна, то власти нанимают новых юристов. Так делает президент США Джордж Буш: прогоняет тех юристов, которые заявляют, что творится беззаконие, и нанимает других. Вы понимаете, что рамки ООН неэффективны. Наш нынешний министр иностранных дел в связи с

основными постулатами этой философии и вопросом легитимности подобных взглядов говорит, что, дескать, можно вести войну для того, чтобы расширять демократию. Под демократией понимается, конечно, западная форма управления, независимо от того, согласны ли с этим страны, которым она навязывается.

Эти политики хотят навязывать и экономическую свободу: ведь опять-таки экономическую свободу следует понимать так, как ее понимают в странах западного мира. Западные политики приводят аргументы за и против войны в целях насаждения каких-то ценностей. В чем же тогда роль международного права? Оно бывает неэффективно. Что мы можем сделать? Оказывается, почти ничего. После окончания холодной войны мы сейчас не можем ничего сделать для того, чтобы запретить какому-то государству вести войны, которые отбрасывают далеко назад культуры и цивилизации, не говоря уже о потере многочисленных жизней невинных людей. Мы не можем предотвратить и разрушения исторических объектов, памятников архитектуры, культурных и исторических ценностей. Международное право пока бессильно в этом смысле.

Какие еще проблемы нам мешают? Не реализуется право на национальное самоопределение. В Европе есть много стран, которые хотят независимости, но они, к сожалению, являются частью существующих суверенных государств. Тут в законодательстве заложено противоречие. В законе говорится, что все эти страны и народы имеют право добиваться национального самоопределения (и многие это успешно сделали). Но закон также гласит, что государства являются суверенными, а суверенитет надо уважать, нельзя вмешиваться во внутренние дела.

В Европе очень много конфликтов, и пока, насколько я вижу, международное право не помогает их решить. Во времена холодной войны тоже было много сложностей, но эти антагонизмы не были выражены так явно. А кому нужны ценности, если они насаждаются насильно? Международное право несовершенно. Мы должны сформировать рамки, которые помогут защищать наши культурные ценности, чтобы не возникали такие ситуации, когда великие державы могут делать все, что угодно, с малыми государствами, их культурой и религией.

А. В. ЯКОВЕНКО: — Решение есть. Оно было найдено в свое время, когда подписывался Устав ООН. Есть международное право, и в тех случаях, когда мы соблюдаем его, проблем не возникает. Случай с Ираком является классическим примером нарушения международного права. Соединенные Штаты проигнорировали Совет Безопасности, пошли на односторонние акции и в результате возникла ситуация, о которой вы говорите. Единственной защитой, единственной гарантией от произвола в международных отношениях для всех нас является соблюдение международного права, которое было разработано мировым сообществом. Других гарантий я просто не вижу.

В. ШВИММЕР: — Конечно, у нас есть международное право. Но была ли хоть одна война в истории, которая бы его не нарушала? Каждая война — это нарушение международного права. И даже если были договоры о ненападении, все равно они нарушались.

У меня другой вопрос. Иногда, может быть, у нас наблюдаются разногласия в терминологии, которые обусловлены разностью наших языков. Когда по-английски звучит слово «цивилизация», то и в немецком, и в русском, насколько я понимаю, подразумевается скорее культура. А четкого определения цивилизации нет.

Никто не сомневается в том, что Россия, как и Великобритания, принадлежит к европейской цивилизации. Но в то же время можно проследить, что британская цивилизация выходит за пределы Европы. В частности, до сих пор в какой-то мере к британской цивилизации принадлежит Индия. Когда Британия делает определенные оговорки относительно расширения Евросоюза, то многие думают, что у британцев возрождаются старые имперские амбиции. Существует и российская цивилизация, которая выходит за границы Европы. Если вы поедете в страны Центральной Азии, в Казахстан, то увидите, что общая с Россией история оказывает на них определенное влияние. В какой-то мере они все еще принадлежат к российской цивилизации. Экс-президент Кыргызстана, выступавший вчера, упоминал об этом. Цивилизации пересекаются, перекрещиваются.

Очень важный вопрос: кто же заинтересованные стороны в этом диалоге цивилизаций? Я могу дать четкий ответ: заинтересованные стороны этого диалога вовсе не государства. Государства никогда не вступали в диалог культур. Они ведут переговоры, у них есть национальные интересы, но у них нет задачи вступать в диалог, который должен привести к общему решению. Государства хотят добиться максимального успеха в соблюдении национальных интересов.

Между государствами никогда не будет равенства даже в рамках ООН. Эта организация была создана на основе идеи равенства государств, но (прошу прощения у российских участников, а также французских и английских) пять из государств — членов ООН «более равны», чем все остальные. Посмотрите, что происходит в СБ ООН: в международных отношениях нет равенства. Дальше, возьмем Европейский Союз — там другой баланс, но нет равных прав у каждого государства. Получается, что государства вовсе не являются заинтересованными сторонами в диалоге цивилизаций. Заинтересованные стороны — это активисты, представители гражданского общества, различные общественные организации.

Конечно же, равенство — одна из важнейших предпосылок диалога цивилизаций. Но диалог не может проводиться только между равными, а это означает, что надо иметь взаимное уважение по отношению друг к другу. Что касается политических предпосылок, то, я полагаю, важной

предпосылкой диалога цивилизаций является демократия. Я могу вступить в диалог только с тем, кто не боится говорить правду, высказывать свое подлинное мнение, а не будет вначале высказывать, подвергнется ли он опасности, если скажет правду, не посадят ли его в тюрьму за это. Таким образом, демократия — это настоящая предпосылка полноправного и полновесного диалога цивилизаций. Это не противоречит тому, что здесь говорили: демократию нельзя насаждать насильственно. Для диалога цивилизаций нужна демократия, соблюдение прав и достоинства человека, свобода личности, чтобы люди могли свободно вступать в диалог.

А. В. ЯКОВЕНКО: — В то время как вопрос равенства в рамках диалога ставится под сомнение целым рядом участников, в выступлении господина Швиммера появился новый элемент: уважительное отношение к партнеру по диалогу. Даже когда нет равенства, уважительность создает, может быть, то маленькое условие, которое могло бы быть положено в основу диалога. Это интересная идея — ведь уважать можно и слабого. Кстати, в рамках ООН, помимо Совета Безопасности, есть Генеральная Ассамблея, где каждое государство имеет один голос.

В. В. НАУМКИН: — Здесь говорилось о гражданском обществе. Но как быть с теми субъектами диалога, в которых гражданское общество недостаточно развито или контролируется тем самым государством, которое к диалогу не приспособлено? Мы говорим о смелости выражать собственное мнение. А если мы возьмем такое государство, как Бирма, где люди, смело выражающие мнение, может быть, в лучшем случае сидят дома? Но диалог-то надо вести и с таким государством, оно же не может быть исключено из диалога! Мне думается, что дискриминация даже по принципу отсутствия каких-то элементарных демократических основ для диалога неприемлема.

В диалог, по-моему, необходимо каким-то образом включать всех — за исключением, может быть, каких-то уж крайних форм режимов фашистского типа. Надо предусматривать и такие формы диалога, в которых принимают участие государства, далекие от демократии, — те, в которых гражданское общество находится в зачаточном состоянии. Мне хотелось бы знать мнение присутствующих.

И насчет неравенства. Часто тезис о неравенстве используется отдельными участниками диалога в своих интересах. Например, наши индийские друзья, когда хотели превратиться в ядерную державу, много говорили о несправедливом существовании пятерки в качестве ядерного клуба. А потом они непризнанно вошли в этот клуб, и этот аргумент уже как бы исчерпал себя. Сейчас, пожалуйста, Вам слово, доктор Фабио Петито.

Ф. ПЕТИТО: — Сегодняшняя дискуссия продвигает нас вперед. Мы рассматриваем ключе-

вые проблемы. Я полагаю, что на данный момент проявились две точки спора. Можем ли мы говорить о диалоге, если нет определенной степени равенства? Другими словами, если значение силы не сглажено, то нет смысла говорить о диалоге. Другая важная точка зрения: диалог цивилизаций — это маска, опасное средство, используемое и либеральными, и авторитарными правительствами, которые стараются легитимизировать этим красивым дискурсом свое стремление к власти и возврату воздействия силы.

Я с этим мнением не согласен. Буду говорить о центральном, с моей точки зрения, пункте — международном праве. Мы живем в период острого кризиса международных отношений. В то же время система международного права имеет цель — избежать конфликтов. Но мы видим, что сейчас движущей силой является только военная и экономическая мощь. Для использования силы формулируются юридические обоснования. Эта идея для международных отношений нереалистична.

Вот почему я не согласен с тем, что мы должны просто заключить контракт цивилизаций. Мы также не можем достичь баланса мощи между великими державами. Нам нужно новое видение, которое позволит объединить два фактора: наличие силы, о которой нельзя забывать, и новые правила, которые мы формулируем. Я думаю, что именно диалог цивилизаций может стать вдохновляющим моментом для создания новой модели. Есть идея многополярности, но также надо создать новую систему международного права. Должен быть сплав великих культурных традиций. Нам нужно сейчас новое межкультурное объединение. Одна из причин кризиса нашей системы международного права заключается в том, что она концентрируется вокруг западных идей, рассматривается как инструмент мощи стран Запада. Мы должны пересмотреть ее, учитывая разнообразные великие культурные традиции, в том числе исламских стран, Японии и др. Надо создать синтез и уже сейчас что-то для этого делать.

Хантингтон не столь упрощенно видит ситуацию, как мы нередко думаем. Он защищает движение к новой цивилизации, говорит о том, что мы должны продвигаться к новому миропорядку, чтобы предотвратить возможные столкновения цивилизаций. Сверхдержавы, которые сейчас имеют вес в макрорегионах, должны выйти на глобальный уровень, а все мы должны формировать многополярный порядок. Будем надеяться, что в итоге этих усилий мы найдем новую глобальную архитектуру.

В. В. НАУМКИН: — Слово имеет посол по особым поручениям МИД РФ Вениамин Викторович Попов.

В. В. ПОПОВ: — Я поддерживаю эмоциональное, яркое выступление профессора Петито. Действительно, пришло время как-то переосмыслить идею диалога цивилизаций, так

как за 10 лет она никуда не привела. К сожалению.

Сейчас мы находимся на серьезной исторической развилке. Если все будет продолжаться так, как сейчас, то мы придем к печальным результатам. Почему? Огромные, действительно тектонические сдвиги происходят на международной арене. Если 40 лет назад доля США в мировом ВВП составляла более трети, то сейчас — только пятую часть. Это говорит о том, что меняется соотношение сил. Есть и демографический фактор. Население Запада, и России в том числе, сокращается, особенно по сравнению с целым рядом других цивилизаций. Через 20 лет мировое развитие будут определять Китай и Индия — азиатские центры.

Сейчас в мире около 2 млрд христиан, и мы недооцениваем исламский мир. По данным Фонда Карнеги, через 15 лет ислам станет первой религией мира, опередив христианство. Исламский мир поднимается еще и потому, что в этих странах находится две трети мировых запасов нефти, и ее добыча там обходится в 15–17 раз дешевле, чем в России. Исламские государства накапливают огромные финансовые ресурсы. Это новый крупный мировой центр, с которым мы должны считаться.

Процесс переделки, перераспределения сил будет архиболезненным и может проходить в различных столкновениях. Мы должны сделать все, чтобы не допустить катаклизмов.

Идеи, которые высказали профессор Дуткевич и профессор Уайт, могут быть очень плодотворными. Вопрос заключается в том, чтобы изменить систему международного права. Верно. Видимо, мы пришли к такому положению, что уже не можем позволить произвольное применение силы каким бы ни было государством. Это приведет к катастрофическим последствиям не только для тех, кто применяет силу и против кого она направлена, но и для всего мира. А что будет дальше? Надо думать о новых механизмах сдерживания. Здесь, может быть, заслуживает внимания идея контракта.

Не случайно говорят, что новое — это хорошо забытое старое. В 1928 г. два человека — Фрэнк Келлог, государственный секретарь Соединенных Штатов Америки, и Аристид Бриан, министр иностранных дел Франции — выступили с идеей заключения пакта о том, чтобы исключить войну из жизни общества. Пакт включал всего три статьи. Он так и вошел в историю: как пакт Бриана–Келлога. Одного из авторов потом удостоили Нобелевской премии мира. К пакту присоединились 55 государств, в том числе Советский Союз. К сожалению, в Германии к власти пришли фашисты, и попытка была сорвана. Может быть, вернуться к этим идеям?

В мире многое меняется. Например, с 1996 г. работает телестанция «Аль-Джазира», прорвавшая монополию Запада на средства массовой информации. И в мусульманском мире уже воспитывается новое поколение, которое видело то, что случилось в тюрьме «Абу-Грейб», и то, что происходило в Ливане, как расстреливали палестинцев.

Это новое поколение газета «Монд» очень точно назвала «поколением “Аль-Джазиры” и Интернета». А ведь через 10 лет оно придет к власти...

В. В. НАУМКИН: — Спасибо. Посол Попов затронул новую тему. Действительно, в конечном счете вся история человечества состоит в изобретении неких механизмов для сдерживания агрессивных устремлений, амбиций, доминирования — на уровне человека, государства и на международном уровне. Сегодня действительно настало время подумать о каких-то новых амортизаторах для негативных тенденций, которые неизбежно появляются, для новых форм острого соперничества и конкуренции в международной жизни. Не ослабевает конкуренция из-за ресурсов, из-за контроля над средствами массовой информации и т. д. Проблем сегодня много, и идея новых амортизаторов, думаю, очень конструктивна.

Сейчас слово предоставляется господину Дину Шамсутдину.

Д. ШАМСУТДИН¹: — Уже высказано столько блестящих, замечательных идей, оценок проблем, которые сейчас обострились. Их называют «экономическим цунами», «коллапсом цивилизаций», «коллапсом окружающей среды». Действительно, проблемы, которые стоят перед нами, ведут к глобальному коллапсу. Негативные явления кумулятивно накапливаются, и их решение требует общих усилий. Сотрудничество цивилизаций необходимо, как и межрелигиозный диалог. В нашем Азиатско-Тихоокеанском регионе он уже ведется, имеются соответствующие организации. До сих пор этот диалог имел только форму разговоров, без реальных действий.

Что нам сейчас необходимо — это новая парадигма. Во-первых, диалог должен быть ориентирован на практические действия. Во-вторых, необходимо включить в него те силы, которые сейчас в нем не участвуют. Конечно, я не имею в виду фундаменталистов и экстремистов, тех, кто прибегает к насилию. Тем не менее мы видим широкую палитру религиозных сообществ, которые должны быть вовлечены в процесс диалога.

Диалог следует развивать и внутри культуры, внутри религии. Межрелигиозный диалог более труден, но и в сообществах тоже надо проводить внутренний диалог. Не так давно в Иране состоялась международная конференция, на которой я присутствовал, с участием суннитов и шиитов.

Мы должны искать то, что нас объединяет, находить общие ценности. И тогда мы увидим и нашего общего врага — «калимантан», как мы это называем. Нашим врагом будут те проблемы, с которыми сталкивается человечество, — пандемии, неграмотность, бедность, разрушения. Мы должны налаживать совместные действия для того, чтобы контролировать эти опасности.

К правам человека мы считаем возможным добавить идею ответственности. Абсолютный либерализм, стоящий «фоном» за правами человека, создает большие проблемы в мире. Необходимо разработать декларацию ответственности человека в дополнение к его правам. Надо создавать рулевую модель в контакте с мусульманским миром. Недавно в США прошел форум с участием самих США и мусульманских стран. В Японии подобный форум проходит уже в шестой раз. Здесь, в России, мы собрались на замечательную конференцию. Мы должны разработать стратегическую линию России, Евросоюза, Китая в мусульманском мире. Во многих частях мира мы можем выдвигать инициативы, чтобы на двусторонней основе показать, что здесь имеется новая примерная модель ведения диалога цивилизаций.

Д. Ч. КАПУР: — Дорогие друзья, я тоже должен сделать несколько замечаний. Я участвовал примерно в 20 международных форумах — в Латинской Америке, Африке, Азии, Европе. Большая часть таких конференций не предусматривает обсуждения фундаментальных проблем. Мы рассматривали те 5 стран, которые имеют атомное оружие. А я считаю, что должна быть ядерная энергия, но не ядерные вооруженные силы. Мы должны предупреждать возможность того, что одна нация скажет: «Я хочу быть супер-правой, хочу управлять вами». То есть необходимо прикладывать усилия в направлении к всеобщему миру.

Фундаментальной проблемой является бедность, нищета. Сегодня 40 млн человек находятся на разных уровнях лишения элементарных условий для существования. В Индии большая группа людей имеет в собственности более чем 52 % всех национальных богатств. У нас быстро растет экономика, ВВП увеличивается на 9 % в год. Но в результате за 10 лет в Индии появилось 500 миллиардеров, в то время как 90 % населения страны пребывает в нищете. Махатма Ганди — вождь, который дал нам свободу, работал в деревнях. Он обещал, что, когда Индия станет свободной, появится и благосостояние.

Если мы добьемся разоружения, то не будет войны за нефть, гонки ядерных вооружений, не будет смысла в терроризме. Все, чем занимаются в истории мира вооруженные силы, — защищают ситуацию, сложившуюся внутри страны. Каждый 15 дней и в Китае, и в Индии публикуется список миллиардеров, они объявляются героями. Эти новые миллиардеры основали свой журнал. Все новые структуры и даже международное право — все развивалось для того, чтобы поддерживать сильных и богатых.

Если мы возьмем и изменим это международное право, то существующая парадигма рухнет. Для того чтобы сформировать новую парадигму, надо создать новое международное законодательство.

В. В. НАУМКИН: — Слово предоставляется профессору Георгию Мартиросовичу Дерлугьяну. Пожалуйста.

¹ Генеральный секретарь Совета улемов Индонезии, председатель индонезийской мусульманской организации «Мухаммадия».

Г. М. ДЕРЛУГЬЯН: — Хотелось бы соотнести наш гуманистический разговор с реалиями политики и социальной власти. Здесь я выступаю как исторический социолог. Мы, в общем-то, технические инженеры социальных наук. Иногда, конечно, очень поэтично говорить о том, что человек хочет летать. Но, согласитесь, несколько другое дело — стоять за кульманом и чертить чертежи, чтобы это стало возможным. Это относится и к расчету возможностей для диалога цивилизаций.

Есть ли у нас прецеденты этого диалога, диалога целых культур? Хотел бы развить мысль, которые здесь высказывал уважаемый профессор Кинхиде Мусакодзи. Откуда вообще возникает толерантность в европейской цивилизации? Исследования моих коллег, прежде всего Рэндалла Коллинза, показывают, что веротерпимость и секуляризм есть дальнейший результат не диалога, а некогда кровавых столкновений эпохи Реформации. Каким образом это произошло? После 150 лет ожесточенной борьбы католиков и протестантов, нередко доходившей до резни друг друга, Запад вдруг резко успокаивается после Вестфальского мира 1648 г. Что или кто послужили причиной?

Типично превозносить (или винить) Вольтера, Дидро и других великих интеллектуалов эпохи Просвещения. Да, они отрицали религию, да, они были очень влиятельны — в том числе в Петербурге, при дворе Екатерины Великой. Но заметьте, титаны Просвещения пришли столетие спустя ПОСЛЕ того, как Европа охладела к религиозным конфликтам. Можно даже сказать, что атеистическая пропаганда не причина, а следствие. Но что же тогда случилось в Европе на заре Нового времени?

Такова обычная динамика длительного интенсивного конфликта: люди в итоге просто устают, убивая друг друга. Войны без победителей когда-то заходят в тупик, и тогда приходится вести переговоры. Причем переговоры ведут не самые честные и не самые последовательные представители противоположных сторон. В тупике конфликта возникают политики, которые циничнее всех остальных и именно потому готовы искать не самые красивые компромиссы. Только затем становятся эффективны призывы к разуму.

Я не верю в столкновение цивилизаций, потому что оно идет уже несколько столетий, с арабского завоевания Испании, со времен Крестовых походов, с падения Константинополя и, конечно, со времен Колумба и Васко да Гамы. Сегодня мы не в начале столкновения цивилизаций, а, по-видимому, уже ближе к концу. Нам предстоит увидеть немало политических маневров, конечно. Но задумаемся, а насколько моральными политиками были Ришелье или Вильгельм Оранский? Я не призываю сокрушаться или радоваться перспективе мира, залогом которого станет циничный политик. Я призываю подумать, как должна вести себя интеллигенция в этих условиях.

Наш коллега из Индонезии говорил о международном праве. Откуда оно произошло? Все

учебники утверждают — от Вестфальского мирного договора 1648 г. Этот договор делали прагматичные дипломаты, которым требовалось сократить издержки от войн, давно ставших бессмысленными. Они едва ли думали об этике, а были настоящими политиками своей эпохи. Слава богу, они оказались успешны. Войны прекратились либо превратились в вид королевского спорта. И в конечном счете это породило нормы международного права. Я ни в коем случае не утверждаю, что brutальные политики целенаправленно сконструировали право. Структурно они оказались обречены на диалог. Сегодня мы, надеюсь, тоже обречены на диалог — ибо какова этому альтернатива?

Что такое цивилизация? Это аграрные империи прошлого, такие, например, как Россия, которая построила прекрасный город, пожертвовав крестьянством. Китай, Иран, Индия или древняя Эфиопия — все это именно империи, которые очень сильно проиграли в столкновении с империализмом Запада на протяжении последних 250 лет. Аграрные империи старого образца проиграли капиталистической индустриальной экспансии. Сегодня у нас впервые за последние два-три века возникла ситуация, когда Запад, западный мир проигрывает вначале советской России, возрожденной Лениным и Сталиным, затем Китаю, возрожденному Мао и Дэном, вскоре и Индии Махатмы Ганди и, думаю, Ирану, мобилизованному Хомейни. Вот это и создает, может быть, некое равновесие в новом диалоге цивилизаций, делая его возможным в принципе. А пока продолжаются вспышки конфликтов. Бен Ладен пришел тогда, когда провалился Насер. И это страшно. Как и фундаментализм религиозных политиков Европы в эпоху варфоломеевских ночей. Уверен, однако, мы увидим конец этому насилию. Оно и так себя уже исчерпало в кровавом тупике Ирака и Афганистана. Наступает время новых Ришелье.

Итак, что же до нас, интеллигенции? Имеем ли мы вообще какое-то значение? Хочу призвать к определенной скромности — ибо здесь слишком много было уже сказано совершенно нереалистичного, хотя и приятного о великой роли интеллигенции.

Французский социолог Пьер Бурдьё говорил: «Интеллектуалы переоценивают значимость слов, потому что это их основное средство к существованию, их символический капитал». Да, это нам присуще. У нас нет денег, нет у нас оружия, у нас есть слова, и нам хочется верить, что поэзия, философия и красота правят миром. Что же первично: структурные, объективные силы или природа человека — субъективные причины? Учебники гласят, что точного ответа нет. А давайте переформулируем вопрос: в какие именно моменты истории человеческие умы действительно могут подвигать структуры? Ответ может быть такой: в те грозные моменты, когда структуры разваливаются. Вот тогда люди, человеческие агенты, могут войти и что-то изменить. Вспомните перестройку. Когда еще мог стать политиком ленинградский профессор

Собчак или наш уважаемый ректор Запесоцкий?

Много ведется дискуссий, и многие вполне бесплодны. Как и всегда. Но с точки зрения социологов, может быть, и есть какой-то выход. Не панацея от всех бед, нет, но какой-то выход. Сегодня утром мы немало говорили: нужна новая утопия-утопия-утопия. Диалог как великая утопия. Что ж, за дело, товарищи. Иногда, согласен, утопия может стать практичной, но все-таки надо рассчитать, как ее можно применить на практике.

В. В. НАУМКИН: — Спасибо. Господин Хаиров Рустем Ибрагимович, Вам слово.

Р. И. ХАИРОВ: — Я попытаюсь ответить на призыв профессора Яковенко по поводу создания механизмов, или, как хорошо сказал Виталий Наумкин, амортизаторов. Мне кажется, что надо использовать четвертую власть, то есть средства массовой информации. Может быть, все наши усилия следует сосредоточить на создании системы глобального вещания с использованием результатов, достигнутых за последние 10 лет в теоретических размышлениях всех, кто здесь присутствует? Сегодня СМИ скорее провокаторы.

Главный вопрос: в какой цивилизации предстоит жить будущему поколению? Ответ в значительной степени зависит от содержания массовой медиа сегодня. Спасибо.

А. В. ЯКОВЕНКО: — Очень интересное предложение. Я хотел бы отметить, что одним из четырех приоритетов «Альянса цивилизаций» является как раз работа со средствами массовой информации — попытка с помощью этого инструмента развивать диалог и формировать общественное мнение.

В. В. НАУМКИН: — Коллективные действия, которые предпринимаются в рамках «Альянса» и других инициатив, часто сталкиваются с определенными трудностями. Лидеры мировых средств массовой информации, и особенно крупных, корпоративных, очень чувствительно относятся к любым коллективным действиям, часто рассматривая их как посягательство на свободу слова. Это со всей очевидностью выявилось, когда в Дании были напечатаны скандально известные карикатуры. Сейчас слово имеет отец Георгий Рябых. Пожалуйста.

Г. РЯБЫХ: — Здравствуйтесь. Сегодня действительно нужны некие механизмы создания амортизаторов — разрушителей негативных тенденций. Может ли религия быть таким амортизатором, выполнять функцию сдерживания вражды и насилия?

Одни считают, что религия является источником насилия и может порождать только насилие и непримиримость; поэтому надо максимально изолировать религию от публичной сферы и вообще от общественных процессов. Приводятся соответствующие примеры из истории. Мы все хорошо их знаем. Люди верующие на это возра-

жают, что XX в. — век нерелигиозных идеологий коммунизма и фашизма — показал, что на самом деле нерелигиозные режимы могут быть более кровавыми, а схватки между ними — более опасными. Слова о том, что религия является источником насилия, для многих представляются совершенно неправильными.

Есть и другая точка зрения — что религия может быть созидательным фактором в общественных отношениях, может сформировать этику и нормы поведения, смыслы человеческой жизни, которые будут направлять человеческую энергию в созидательное русло.

Сегодня выстраиваются механизмы диалога религий в международных организациях. Но мы имеем негативный с точки зрения религиозных организаций опыт Совета Европы. Недавно был принят документ «Белая книга межкультурного диалога». В ней существует раздел, посвященный межрелигиозному диалогу. Вокруг этого документа шли серьезные дискуссии. Разработчики «Белой книги» выдвинули следующие условия: межрелигиозный диалог может состояться и проходить на полях Совета Европы только в том случае, если религиозные лидеры изначально принимают определенные ценности и правила. И только тогда им может быть дано слово...

Сегодня есть надежда, что система межрелигиозного диалога будет складываться при ООН. Она уже складывается, есть даже некоторый опыт. Ценность диалога между религиями в том, чтобы предложить некие выходы, новое видение ситуации.

В. В. НАУМКИН: — Профессор Мусакоджи, пожалуйста.

К. МУСАКОДЗИ: — Мне хочется напомнить о том, что в 1970-е гг. велось широкое обсуждение нового международного порядка коммуникаций; высказывалось мнение, что все средства массовой информации должны быть на равных, чтобы среди них не было доминирующих гигантов.

Хотелось бы еще коснуться проблемы, которую упоминал доктор Капур. Большинство людей земного шара живет в неподобающих условиях. Как же работать со средствами массовой информации и как вместе с ними сформировать эпистемологическое пространство, в котором каждый мог бы размышлять над проблемами бедности и безопасности для человека? Идея состоит в новом контракте. Но этот новый контракт должен заключаться не просто между гражданами, а между гражданами, которые защищены своим государством, и теми незащищенными людьми, которых, действительно, большинство на этой планете. Помимо прочего, речь идет об опасности для нелегальных мигрантов, которые проживают на территории другой страны, — они ведь не защищаются государством. Наверное, их тоже следует включить в сферу внимания, чтобы все эти люди могли разделять одно и то же эпистемологическое пространство.

В эпистемологическом сообществе очень важна экология — во всех частях мира. Она важна с позиций и бизнеса, и международных организаций, и правительства. Повсюду есть люди, которые свято верят в необходимость устойчивого экологического развития. Те, кто сейчас исключен из защитной, охранной политики государства, с политической и экономической точки зрения очень уязвимы.

Это возвращает меня к статье, написанной Робертом Коксом из Канады, который предлагал учиться у Ибн Халдуна концепции асбии. Асбия — это чувство общности, солидарности всех со всеми. Ведь у нас одна общая боль: опасность, которой мы подвергаемся в пустыне. В соответствии с Ибн Халдуном, Махди появится, и это будет исходить от бедуина, который будет знать истину, неведомую простым гражданам. Это очень интересное видение. Видение того, как диалог культур, диалог цивилизаций должен вовлекать в свои круги не только интеллектуалов, не только граждан государств, но и тех, на кого напрямую воздействует нынешняя нестабильная ситуация. Что касается ислама и исламистской эпистемологической Вселенной, то имеется шариат, есть также традиции суфиев. И это два очень важных постулата. Господь всемогущ, следует это признать. Можно сказать, что это отсылает нас к закону, к праву. Правовые организации необходимы. Правовые институты должны существовать во что бы то ни стало. Но Господь также и милосерден — это его другая ипостась. Тут возникает духовность, которая не ограничивается законом. Я полагаю, что очень важно для всех нас чему-то научиться у исламского эпистемологического пространства. Эта генеральная совокупность несет в себе гуманистический посыл будущей солидарности большинства с меньшинством, с обделенными и уязвимыми. Вот наша важная задача в диалоге цивилизаций.

В. В. НАУМКИН: — Спасибо. Сейчас слово предоставляется господину Шаину Мустафаеву. Пожалуйста.

Ш. МУСТАФАЕВ¹: — Нельзя, на мой взгляд, сводить понятие «диалог культур и партнерство цивилизаций» к международным отношениям и международному праву. Это не совсем одно и то же. В противном случае говорить о диалоге культур было бы бессмысленно. На мой взгляд, «диалог культур» — понятие более глубокое, и необходимо вычленив его основные составляющие, чтобы можно было продвигаться вперед.

Я согласен с господином Поповым в том, что в течение последних 10 лет диалог культур стимулируется прежде всего международными событиями. Это в первую очередь конфликты между исламским миром и Западом. Я особо подчеркиваю: не христианством и исламом, а именно между миром ислама и Западом. На мой взгляд, это конфликт не межрелигиозный, а прежде

всего цивилизационный, и в его основе лежит процесс модернизации, который охватил весь Восток в течение последних 150–200 лет. Негативный антизападный потенциал, который накопился в мусульманском мире, вызван прежде всего неудовлетворенностью результатами модернизации.

К термину «модернизация» можно относиться по-разному. Одни согласны с ним, другие считают, что этот термин не совсем корректен. Как бы то ни было, речь идет о превращении западной модели, западного образа жизни в некую универсальную модель.

Здесь были отмечены и «карикатурная война» в связи с публикацией в датских газетах, и выступление Папы Римского, и реакция мусульманского мира на эти события. В итоге проявился антизападный потенциал, накопившийся в мусульманских странах.

На мой взгляд, ситуация на Западе не лучше. Достаточно посмотреть некоторые евангелистские телеканалы в США, поговорить с англиканцами в Англии, чтобы понять: в целом на Западе сложился отрицательный стереотип ислама, не позволяющий западному обществу адекватно воспринимать эту модель цивилизации, эту культуру. На евангелистских телеканалах откровенно говорится об угрозе исламофашизма, который якобы навис над западной цивилизацией. Отстаивается необходимость христианского союза, чтобы противостоять этой угрозе.

Совершенно ясно, что подобные модели поведения как в мусульманском мире, так и в западных обществах ведут лишь к конфронтации. Есть ли возможность диалога культур? Чтобы понять, в каком направлении мы должны двигаться, прежде всего необходимо определить, существует ли в истории некая позитивная модель сотрудничества цивилизаций, партнерства культур.

Если сегодня постараться оценить результаты модернизации в мусульманском мире и вычленив все наиболее острые точки противоречий между исламом и западным миром, то мы заметим, что почти все они лежат вне той зоны, где происходило сотрудничество России и мусульманского мира. И Талибан, и Аль-Каида, и прочие радикальные течения возникли в той зоне исламского мира, где модернизация происходила непосредственно под влиянием западно-европейской и американской культуры. Даже Чечня, пример наиболее кровавого конфликта в российской зоне влияния, стала принимать наиболее страшные формы только тогда, когда туда стали проникать ближневосточные влияния.

Исламская революция в Иране, попытка исламизации Пакистана при Зия-уль-Хаке, распространение радикальных религиозных течений в арабском мире — все это формы отторжения мусульманскими народами тех моделей модернизации, которые осуществляются непосредственно под влиянием Запада. В российской зоне влияния мы не видим таких форм конфликта с мусульманским миром. Модернизация через русскую культуру, через российский опыт дала более продуктивные и позитивные результаты.

¹ Директор Международного института Центральноазиатских исследований ЮНЕСКО (Узбекистан).

Для этого есть несколько причин, поскольку русская цивилизация, русская культура достаточно синтетична. Она сама в свое время прошла опыт модернизации, восприятия западных ценностей. И борьба западников и славянофилов внутри русского общества в некоторой степени предвосхитила борьбу модернистов и традиционалистов во многих мусульманских странах.

Находясь в последнее время по долгу службы в Центральной Азии, я вижу, что центрально-азиатские народы стоят перед выбором своей идентичности и определением дальнейшего пути развития. Ситуация там сейчас не очень благополучная. Вера в то, что культурный потенциал Центральной Азии самодостаточен и некая культурная автаркия позволит этим народам развиваться дальше, оказалась неоправданной. Радужные надежды, которые мы питали в 1990-е гг., улетучиваются со стиранием последних следов социализма. Западное влияние воспринимается с большой опаской, поскольку эта культура не совсем понятна для данных народов. Возвращение к исламской субкультуре или ориентализация культуры в Центральной Азии сегодня рассматриваются как некое отступление от тех позиций, которые были достигнуты в ходе модернизации в течение последних ста лет. И очевидно, что ориентация на продолжение сотрудничества именно с русской культурой, с российской традицией начинает преобладать. Модернизация мусульманских народов через русскую культуру — опыт, достойный изучения. В области культурного сотрудничества этот опыт дает достаточно много материала для того, чтобы его можно было применить и в будущем. Спасибо.

А. МУДЖАНИ¹: — Обстановка на Среднем Востоке, исторической родине нашей цивилизации, где сосредоточены различные культуры, крайне нестабильна. Равновесие сил здесь очень хрупкое, много противоречий, и люди, представляющие различные общества, занимают противоположные позиции.

Сегодня проблемы Среднего Востока вызывают тревогу во всем мире. Чтобы исправить ситуацию, мы не можем применять военную силу, как это делают Ирак или Афганистан. Опыт этих стран показывает, что война только ухудшит наше положение. Великие идеи, выраженные в лозунгах «Средний Восток без ядерного оружия» или «Диалог культур и цивилизаций», не разрешают кризис.

Итак, чтобы понять, что еще можно сделать, нам следует вновь обратиться к этому вопросу.

В Иране и в международных организациях, цель которых — диалог культур и цивилизаций, мы стремимся добиться практического решения этих проблем в нашем регионе.

В. В. НАУМКИН: — Спасибо. Слово предоставляется профессору Иммануилу Валлерстайну.

И. ВАЛЛЕРСТАЙН: — Я сказал вчера, что диалог возможен только между равными. Но ра-

венство между культурами возникает тогда, когда тот, кто слабее, видит неравенство и сильный тоже видит и признает это. Важен диалог не только между государствами, но и внутри государства.

Проиллюстрирую это примерами. Сегодня было сказано, что происходит экономическое выравнивание в определенном масштабе, и это правильно. Если рассмотреть пять крупнейших стран — США, Бразилию, Россию, Индию, Китай, то совершенно ясно, что за последние 10 лет произошло относительное снижение экономической и политической роли США и относительное усиление Бразилии, Индии, России и Китая. Выравнивание имеет место на мировом уровне. Но если измерить величину внутреннего неравенства в этих странах за тот же период, то мы увидим его резкое возрастание, а также и то, что другие страны не охвачены этими изменениями.

Вот еще два примера — процессы, которые происходили в последние несколько лет. Один — диалог между государствами, другой — внутри государства. На международном уровне за последние два года провели переговоры 6 стран: обе Кореи, Китай, Япония, США и Россия. Это были шестисторонние переговоры по корейской проблеме. В итоге ничего не произошло, и в этом успех шестисторонних переговоров. Несколько лет назад ситуация казалась чрезвычайно напряженной — на грани возможных военных конфликтов. Но ничего не случилось, поскольку состоялся некий диалог. Он не привел к глубокому взаимопониманию, но, тем не менее, напряженность снизилась.

Почему это так? Ясно, что основным фактором усиления Северной Кореи стало не ядерное оружие, а усиление по другим направлениям. Страна старается преодолеть отрицательные явления, применяет различные формы новой политики, и это приводит к укреплению Северной Кореи. Именно это и повлияло на результаты диалога.

И возьмите другой случай — в Ливане, где произошел наиболее серьезный за последние 25 лет конфликт. В последние 2–3 недели, когда Хезболла стала участвовать в военных действиях в Бейруте, конфликт стал особенно острым. Результат: два дня назад было принято очень важное соглашение. В первый раз оно было заключено между всеми политическими силами. Вождь друзов, главный оппонент Хезболлы, сказал: «Мы вступаем в соглашение, которое нам не нравится. Но мы присоединяемся к нему, потому что альтернативы этого соглашения приводят к гражданской войне». Никто в Ливане сейчас не может выиграть в гражданской войне, потому что произошло усиление Хезболлы. Самые слабые политические группы в Ливане — шииты, но они тоже смогли получить определенную возможность влиять на решения, которые принимаются другими группами. Таким образом, мы видим укрепление, улучшение де-факто политической ситуации в Ливане. Я полагаю, что это достаточно долгосрочное политическое решение. После 30 лет нестабильности будет достигнута стабильность.

¹ Полномочный представитель экс-президента Ирана.

Оба этих случая иллюстрируют необходимость развивать международные и внутригосударственные диалоги. Более слабая сторона набрала силу и вступила в диалог. И получила положительный результат.

В. АЛЬТАФ¹: — В последнее время мы участвуем в междивизиационном диалоге, но, с нашей точки зрения, в ходе его сильные страны стараются навязать свои ценности. Мы предпочли бы не конверсию культур, а межкультурный диалог. Вместо трансформации культуры нужен именно диалог культур. Мы видим, что либерализм имеет отрицательные стороны и наносит ущерб. Чтобы исключить все типы терроризма и насилия, ключевое требование — справедливость. И наконец, очень важную роль играют СМИ. Они находятся под управлением и контролем политиков. Пока СМИ не станут лучше помогать межкультурному диалогу, я думаю, будет очень трудно достичь прогресса.

В. В. НАУМКИН: — Слово предоставляется господину Жоржи Сампайю.

Ж. САМПАЙЮ: — С точки зрения «Альянса цивилизаций», который я здесь представляю, наша дискуссия была очень полезной. Влияние друг на друга культур и цивилизаций прослеживается везде. Те, кто действует, кто принимает решения, озабочены этим — на всех уровнях, от местного до глобального. Правительства могут вести различные варианты диалога, но уровень, где решается особенно много, — это уровень культуры. Конечно, мы должны учитывать, что на результаты диалога цивилизаций влияет недостаток политических решений. Это касается территориальных вопросов, проблем воды, природных ресурсов, окружающей среды. Но есть еще очень сложный вопрос — устойчивость нашего общества.

Мы должны жить вместе. Обязаны жить вместе, чтобы реализовать цели устойчивого развития. Большинство стран в Евросоюзе столкнулись с проблемой культурного разнообразия. Они совершенно не подготовлены к тому, чтобы

справляться с такой проблемой. Мы видим здесь миграцию и требование равенства и справедливости. Мигранты хотят, чтобы их считали не меньшинством, а гражданами. И мы должны, так сказать, решить вопрос с этим культурным разнообразием.

Необходимо сформировать многосторонние институты — те, что были созданы после Второй мировой войны, сейчас находятся в трудном положении: на них обрушилась гора проблем. Можно еще назвать проблемы двойных стандартов и взаимности — мы совершенно их не затронули. Мы обязаны пользоваться эквивалентными стандартами и понимать, что диалог должен происходить на различных уровнях. И здесь перед нами стоит проблема равенства. Но следует также видеть, что главным для мигрантов является поиск идентичности. Разобраться в этих вопросах — задача не только университетских профессоров, правительств и министерств — это проблема любого общества от низов до верхов.

И еще мы должны найти общественное пространство для религий и управлять всем этим культурным разнообразием, потому что это величайший вызов, который идет рука об руку с проблемами политическими, социальными, экономическими.

А. В. ЯКОВЕНКО: — У нас сегодня была плодотворная дискуссия. Она даст пищу для размышлений как ученым, так и политикам. Эти обсуждения укладываются в повестку «Альянса цивилизаций», и присутствие здесь господина Сампайю является тому свидетельством. Мы рады, что инициативу этого диалога взял на себя Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов. Этот вуз является одним из лидеров в осмыслении данной темы. Хочу выразить надежду (и это общее мнение), что такого рода обсуждения здесь продолжатся. Благо у нас есть хороший формат — Лихачевские чтения. Благодарю всех за активное участие в нашем обсуждении, а особенно — господина Запесоцкого за оказанное гостеприимство и блестяще организованное мероприятие.

¹ Профессор физики (Саудовская Аравия).